

ПРОЛОГ

Однажды Хлоя Браун умерла.
Почти.

Это, само собой, случилось днем во вторник. Складывалось впечатление, что неприятности всегда случаются по вторникам. Хлоя подозревала, что этот день недели проклят, но до сих пор делилась подозрениями только на определенных интернет-форумах — и с Дани, наиболее странной из двух крайне странных своих младших сестер. Дани тогда сказала Хлое, что та чокнулась и что ей следует проговаривать положительные аффирмации¹, чтобы избавиться от этой негативной вторичной энергии.

Так что, когда Хлоя услышала крики и визг шин и, посмотрев направо, увидела, что прямо на нее несется блестящий белый «Рендж Ровер», ее первой нелепой мыслью было: «Я умру во вторник, и Дани придется признать, что я была права».

Но в итоге Хлоя таки не умерла. Ее даже не ранило — что принесло ей огромное облегчение, потому что она и так уже провалялась в больницах немало времени. «Рендж Ровер» пролетел мимо и врезался в кофейню. А ведь всего три фута — и лобовое столкновение пьяной водительницы со стеной из кирпича превратилось бы в лобовое столкновение с Хлоей из плоти и крови. Металл смяло, как

¹ В популярной психологии — позитивное утверждение самовнушительного толка.

бумагу. В средних лет женщину на водительском сиденье впечаталась подушка безопасности — только короткие светлые волосы мелькнули. Набежал народ, кто-то закричал, что нужно вызвать скорую.

Хлоя смотрела на это во все глаза, и смотрела, и смотрела.

Мимо сновали люди, время шло, но она почти не замечала этого. Мозг переполняла бесполезная информация, как будто голова превратилась в папку «Корзина». Хлоя размышляла, во сколько кофейне обойдется ремонт. Размышляла, покроет ли это страховка или платить придется водительнице. Размышляла, кто подстригал эту женщину, потому что прическа у нее была шикарная, и стильная укладка более-менее держалась, даже когда ее обладательницу выволокли из машины и уложили на каталку.

В конце концов какой-то мужчина коснулся плеча Хлои и спросил:

— Вы в порядке, дорогая моя?

Она обернулась и увидела врача скорой помощи с добрым морщинистым лицом и в черном тюрбане.

— Кажется, у меня шок, — ответила Хлоя. — Можно мне шоколада? «Грин энд Блекс». Мой любимый — с морской солью, но темный с восьмидесятипятипроцентным содержанием какао, наверное, обладает лучшими лекарственными свойствами.

Врач хмыкнул, накинул ей на плечи одеяло и осведомился:

— Чашечка чая сойдет, ваш-личество?

— Ох, да, будьте добры.

Хлоя поплелась за ним к скорой. Где-то на полпути осознала: ее так трясет, что она едва передвигает ноги. Наученная многолетним опытом жизни в чрезмерно капризном теле, она стиснула зубы и заставила себя шагать дальше.

Добравшись наконец до скорой, она как можно осторожнее села — не хватало еще рухнуть в обморок. Тогда врач начнет задавать вопросы. Потом, возможно, захочет ее обследовать.

А тогда придется рассказывать ему о своих особенностях и о том, почему беспокоиться не стоит, и они оба проторчат тут целый день. Своим самым «я-очень-даже-здорова-и-все-контролирую» тоном Хлоя поспешила спросить:

— С этой женщиной все будет хорошо?

— С водительницей? С ней все будет в порядке, милая. Не волнуйтесь об этом.

Хлою внезапно отпустило — а она и не замечала, насколько были напряжены ее мускулы.

В конце концов после двух чашек чая и пары вопросов от полиции ей позволили завершить ее вторичную прогулку. Больше на волоске от смерти она не оказывалась — и это было прекрасно, потому что в противном случае она непременно сделала бы что-нибудь неподобающее, например расплакалась бы.

Вернувшись в фамильный дом, она вошла через северное крыло и прокралась на кухню в надежде на укрепляющие дух вкусняшки, но, вместо них, наткнулась на свою бабушку Джиджи, явно ее поджидавшую. Джиджи развернулась, взметнув полами длинного фиолетового халата — того, который Хлоя подарила ей на четвертый (или пятый?) семидесятилетний юбилей несколько месяцев назад.

— Дорогая, — выдохнула Джиджи, цокая по плитке каблучками домашних туфель. — Ты выглядишь так... изможденно. — Из уст Джиджи — одновременно заботливой бабушки и до боли красивой джазовой легенды — это звучало как грубейшая критика. — Где ты была? Ушла — и пропала, даже на звонки не отвечала. Я довольно-таки взволновалась.

— О боже, мне очень жаль.

Хлоя вышла из дома несколько часов назад, чтобы совершить одну из своих нерегулярных запланированных прогулок, — *запланированных*, потому что на них настояла ее психотерапевт, *нерегулярных*, потому что ее хронически больное тело часто просто отказывалось делать некоторую вещи. Обычно она возвращалась в течение получаса — неудивительно, что Джиджи запаниковала.

— Ты же не позвонила родителям, правда?

— Конечно нет. Я решила, что тебе подурнело, но ты быстренько соберешься и велишь какому-нибудь прохожему поймать тебе такси.

Деликатным словом «подурнело» Джиджи описывала те случаи, когда тело Хлои просто переставало функционировать.

— Мне не дурнело. Вообще-то, я весьма неплохо себя чувствую. — *Сейчас, по крайней мере.* — Просто произошла... небольшая авария.

Джиджи ухитрилась одновременно окаменеть и грациозно усесться за мраморный кухонный островок.

— Ты не пострадала?

— Нет. Какая-то женщина врезалась в стену прямо перед моим носом. Это было очень драматично. Меня угостили чаем в пластиковом стаканчике.

Джиджи воззрилась на Хлою кошачьими глазами, оказывающими на простых смертных гипнотическое воздействие:

— Не желаешь ли принять «Ксанакса»¹, дорогая?

— Ох, мне нельзя. Не знаю, как он будет взаимодействовать с моими таблетками.

— Конечно-конечно. А! Знаю. Я позвоню Джереми и скажу, что у нас критическая ситуация.

¹ Популярное на Западе успокоительное и снотворное.

Джереми был психотерапевтом Джиджи. Строго говоря, Джиджи не *нуждалась* в психотерапии, но Джереми ей нравился, и она верила в силу превентивных мер.

Хлоя моргнула:

— Мне кажется, это лишнее.

— Позволь с тобой не согласиться, — отрезала Джиджи. — Психотерапия никогда не бывает лишней. — Она достала телефон и, набрав номер, продефилировала в другой конец кухни, снова зацокав каблучками по плитке. — Джереми, дорогой! *Как ты? Как Кассандра?* — промурлыкала Джиджи.

Все эти звуки были совершенно обычными. И все же, безо всякого предупреждения, они запустили в голове Хлои некий катастрофический процесс.

«Цок-цок-цок» каблуков бабушки смешалось с «тик-тик-тик» часов на стене. Звуки становились все громче, странным образом делались хаотичнее, пока Хлое не начало казаться, что в ее голове грохочет камнепад. Она зажмурилась — стоп, при чем тут глаза, если проблема в звуках? — и в созданной ею темноте всплыло воспоминание: те взметнувшиеся короткие светлые волосы. То, какими они оставались гладкими и сияющими на фоне черной кожи носилок.

«Пьяная», — сказал тогда приглушенным голосом приятный врач. Так они подозревали. Та женщина напилась посреди бела дня, вылетела на тротуар и врезалась в здание, а Хлоя...

А Хлоя стояла совсем рядом. Потому что всегда гуляла в одно и то же время, чтобы не прерывать рабочий распорядок. Потому что всегда ходила одной и той же дорогой продуктивности ради. Хлоя стояла *совсем рядом*.

Ее бросило в пот. Голова закружилась. Нужно сесть, прямо сейчас, чтобы не упасть, чтобы голова не раскололась, как яйцо, о мраморную плитку. Тут же вспомнились

слова матери: «Надо поменять полы. Эти обмороки станут совершенно непредсказуемыми. Она расшибется».

Но Хлоя настояла, что это необязательно. Она пообещала быть осторожной и, ей-богу, держала слово. Медленно, очень медленно она сползла на пол. Положила липкие ладони на прохладную плитку. Вдохнула. Выдохнула. Вдохнула.

На выдохе прошептала голосом, похожим на трескающееся стекло:

— Уми я сегодня, как звучала бы надгробная речь?

«У этой невероятной зануды было ровно ноль друзей, она не путешествовала десять последних лет, хотя возможностей было предостаточно, по выходным писала код и никогда не делала ничего, что не было запланировано в ее ежедневнике. Не оплакивайте ее: теперь она в лучшем месте. В раю и то жизнь не такая скучная».

Вот что сказали бы о ней на ее похоронах. Возможно, речь прочел бы по радио кто-нибудь особенно едкий и вредный вроде Пирса Моргана¹.

— Хлоя? — позвала Джиджи. — Куда ты... Ой, вот ты где. У тебя все в порядке?

Лежа на полу плашмя и глотая воздух, как умирающая рыба, Хлоя жизнерадостно отозвалась:

— Спасибо, все хорошо.

— Хмм, — пробормотала Джиджи с некоторым сомнением, но не слишком-то обеспокоенно: — Пожалуй, я попрошу Джереми перезвонить. Джереми, дорогой мой, не мог бы ты, пожалуйста?.. — Она удалилась, и ее голос стих.

¹ Британский и американский журналист.

Хлоя прижалась пылающей щекой к холодной плитке и постаралась вставить в свою воображаемую надгробную речь еще несколько оскорблений. Если бы дело происходило в слащавом мюзикле — таком, какие просто обожала ее самая младшая сестра, Ив, — сейчас настал бы тот самый момент, когда героиня достигает самого дна. Всего несколько сцен отделяло бы ее от прозрения и жизнеутверждающей песни о решительности и вере в себя. Может, подзанять у этих мюзиклов жизненной мудрости?

— Прости меня, Вселенная, — пробормотала Хлоя в кухонный пол. — Сегодня, когда ты едва меня не убила — что было весьма жестоко, кстати говоря, но я уважаю твое решение, — ты этим пыталась мне что-то сказать?

Вселенная хранила загадочное молчание.

За нее, к несчастью, ответил кое-кто другой.

— Хлоя! — практически провизжала ее мать, стоя в дверном проеме. — Что ты делаешь на полу? Тебе плохо? Гарнет, слезай с телефона и немедленно иди сюда! Твоей внучке *нехорошо!*

Ну вот. Момент единения с мирозданием был грубо прерван, и Хлоя кое-как приняла сидячее положение. Странное дело, но почувствовала она себя гораздо лучше. Возможно, потому, что распознала-таки послание Вселенной и впустила его в свое сердце.

Очевидно, пришло время заняться своей жизнью.

— Нет-нет, дорогая моя, не двигайся.

Тонкокостное лицо Джой Маталон-Браун, нервно отдавшей этот приказ, исказила паника, а золотистая кожа побледнела. Знакомое зрелище. Мать Хлои вместе с сестрой-близняшкой Мэри управляла более чем успешной юридической фирмой, жила почти так же логично и размеренно, как Хлоя, и многие годы наблюдала за симптомами и защитными механизмами дочери. И все равно при малейшем намеке на болезнь или недомогание ее с го-

ловой накрывала полномасштабная паника. Это, откровенно говоря, очень выматывало.

— Не суетись над ней, Джой, ты же знаешь, она этого не выносит.

— Так, значит, я должна просто игнорировать тот факт, что она тут трупом лежит на полу?

Ой-ой.

Пока мать и бабушка пререкались, стоя над ней, Хлоя решила, что первая перемена тех, что потребовала от нее Вселенная, коснется жилищного вопроса.

В гигантском семейном гнезде ей вдруг стало тесновато.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Двумя месяцами позже

— **О**х, вы настоящее сокровище, Рэд.

Рэдфорд Морган попытался выдавить бодрую улыбку, что было не так легко с рукой, по локоть погруженной в старушкин унитаз.

— Я просто делаю свою работу, миссис Конрад.

— Вы самый лучший комендант из всех, какие у нас только были, — проворковала миссис Конрад, стоя в дверях ванной и прижимая к костлявой груди морщинистую руку. Копна ее седых волос слегка подрагивала — настолько она расчувствовалась. Ну что за королева драмы, дай ей бог здоровья!

— Спасибо, миссис К, — рассеянно ответил Рэд. — Вы очень добры.

«А если бы вы перестали запихивать в толчок всякую хрень, мы бы вообще стали лучшими друзьями».

Это был третий раз за месяц, когда Рэда вызывали в квартиру 3Е из-за проблем с сантехникой, и, откровенно говоря, от дерьма миссис Конрад он начинал уставать. Или, точнее, от дерьма ее внуков.

Облаченная в перчатку рука Рэда наконец вынырнула из туалетных недр, сжимая насквозь мокрый ком бумажных полотенец. Рэд развернул его — внутри обнаружилась...

— Это не ваша овощная запеканка, миссис К?

Старушка по-совиному моргнула, глядя на него, а потом прищурилась:

— Да я же и понятия не имею. Где мои очки? — Она заозиралась, будто надеясь выследить их по запаху.

— Ладно, не беспокойтесь, — вздохнул Рэд. Он прекрасно знал, что это овощная запеканка, как и в прошлый раз, и в позапрошлый. Выбросив комок в урну, он вежливо заметил: — Вам надо поговорить с вашими ребятами. Они ужин в унитаз смывают.

— *Что?* — ахнула старушка, явно оскорбленная: — Не-е-е-ет. Нет-нет-нет. Мои Феликс и Джозеф? Они бы никогда так не сделали! Они относятся к еде бережно, а ужины у меня так и вовсе обожают.

— Могу поспорить, так оно и есть, — медленно сказал Рэд, — но... понимаете ли, миссис К, каждый раз, когда я прихожу сюда, я обнаруживаю, что трубы у вас забиты брокколи и грибами.

Последовало молчание — миссис Конрад переваривала эту информацию.

— Ох, — прошептала она.

Рэд еще никогда не слышал, чтобы столько уныния вкладывали в один-единственный слог. Старушка быстро замигала, ее тонкие губы задрожали, и у Рэда сжалось сердце — он понял, что она едва сдерживает слезы. Черт побери. Он не выносил плачущих женщин. Если она уронит хоть одну слезинку — он будет сидеть тут весь вечер, радостно жрать овощную запеканку тазами и рассыпаться в комплиментах.

Только не плачь. Я заканчиваю через десять минут, и я на хрен ненавижу брокколи. Только не плачь. Только не...

Старушка отвернулась как раз в тот момент, когда первый всхлип сотряс тощие плечи.

Ох.

— Ну бросьте, миссис К, не расстраивайтесь так. — Рэд неуклюже стянул перчатки и подошел к раковине по-

мыть руки. — Они же просто дети. Все знают, что здравого смысла у детей не больше, чем у среднестатистической козы.

Миссис Конрад негромко булькнула от смеха и снова повернулась к нему лицом, промокая глаза платочком. У старушек всегда имеется при себе платочек. Они прячут их в складках одежды, как ниндзя — сюрикены.

— Вы правы, конечно... Просто... Ну, я-то думала, запеканка — их любимое блюдо. — Она шмыгнула носом и покачала головой: — Но это неважно.

Судя по дрожи в голосе, это было еще как важно.

— Могу поспорить, у вас чертовски вкусная запеканка, — сказал Рэд, потому что, очевидно, язык у него длиннее, чем у любого другого человека на этой чертовой планете.

— Вы так думаете?

— Я знаю. Вы выглядите как женщина, которая на кухне чувствует себя как дома. — Он не был уверен, что это комплимент, но прозвучало неплохо.

И очевидно, миссис Конрад фраза тоже понравилась, потому что щеки у нее зарделись и она издала какой-то высокий звенящий звук — возможно, хихикнула.

— Ох, Рэд. А знаете, у меня ведь совершенно случайно осталось немного в холодильнике.

Ну кто бы сомневался.

— Неужели?

— Да! Не хотите попробовать? Накормить после тяжелых трудов — это меньшее, что я могу для вас сделать.

Откажись. Скажи, что у тебя планы: вечер пятницы как-никак. Скажи, что на обед съел пять бифштексов.

— С удовольствием, — ответил Рэд и улыбнулся. — Вот только сбегаю домой и приведу себя в порядок.

На то, чтобы спуститься на первый этаж к себе в квартиру — доставшуюся ему вместе с работой, — при-

нять душ и переодеться, у него ушло тридцать минут. Поскольку жизнь он нынче вел дерзкую и веселую, Рэд сменил черный комбинезон на — *барабанная дробь, по-жалуйста!* — комбинезон темно-синий, только что из стирки. По правде говоря, Рэд понятия не имел, что полагается надевать на ужин с пожилой леди, но его обычные говнодавы и кожаные штаны казались не совсем уместными.

Только закрыв дверь, он подумал, что не совсем уместной может быть вся эта ситуация вообще. Может ли он ужинать с жильцами? Не запрещено ли это? Рэд не видел в этом ничего такого, но на поприще коменданта он трудился недавно и пока не обладал достаточной квалификацией. На всякий случай он вытащил телефон и отправил сообщение Вику, домовладельцу, — и по совместительству другу, который и взял его на эту работу:

«Можно мне поужинать с милой старушкой из ЗЕ?»

Вик, как обычно, ответил быстро:

«Если тебе нравятся постарше, дружище, я не осуждаю».

Рэд фыркнул от смеха, закатил глаза и убрал телефон. И тут внезапно кое-что услышал.

Или, точнее, кое-кого.

Хлоу Браун.

— ...увидимся за бранчем¹, если у меня получится, — говорила она.

Голос у нее был резкий и какой-то дорогой, как будто кто-то научил разговаривать бриллиант. Его звук всколыхнул мысли Рэда — четкое произношение Хлоу напомнило ему о людях и местах, о которых он предпочел бы забыть. О других временах и о другой женщине, той, которая одной наманикюренной рукой держала серебряную

¹ Субботний или воскресный завтрак, который обычно проходит не дома и подразумевает несколько более вкусные, нежели на буднях, блюда.

ложку, во рту с которой родилась, а второй стискивала его сердце.

Хриплый тембр Хлои и воспоминания, которые он вызвал, — вот и все, что могло его предупредить. Потом Рэд завернул за угол и оказался лицом к лицу с самой обладательницей голоса. Или, если точнее, лицом к горлу. Потому что Хлоя тоже выворачивала из-за угла, и они столкнулись, и она *каким-то образом* врезалась лицом ему в горло.

Что было больно. Даже очень.

От столкновения с дыханием Рэда произошло нечто ужасное. Он сделал вдох, подавился воздухом и одновременно потянул руку к Хлое. Последнее было сделано чисто автоматически: он в кого-то врезался, так что теперь обязан был удерживать этого кого-то от падения. Вот только, ясное дело, это был не просто там *кто-то*. А Хлоя, и его рука легла на ее мягкую талию. Хлоя, пахнущая весенним садом после дождя. Хлоя, которая сейчас отпихивала его, точно зачумленного, и бормотала:

— О, боже ты... что... отстаньте от меня!

Миленькая, как пуговка, — а тон режет почище любого ножа. Рэд отпустил Хлою, пока ее не хватил инфаркт, и вздрогнул, когда его мозолистые руки скользнули по пастельному шерстяному кардигану. Хлоя попяtilась, косясь с подозрением, будто он в любой момент мог на нее наброситься. Она всегда только так на него и смотрела: будто еще полминуты — и он убьет ее и освежает. Относились к Рэду как к какому-то дикому зверю с самого дня их встречи — он тогда показывал ей квартиру, которую, как ему казалось, она ни за что не станет снимать.

Через неделю Хлоя въехала и с тех пор нарушала его покой своими замашками Снежной королевы.

— Я... Я не понимаю, как такое могло произойти, — сказала она, будто он втайне организовал все это, только чтобы ее поlapать.

Стиснув зубы, Рэд попытался заверить Хлою, что все не собирался ее грабить или похищать, — что, несмотря на все свои татуировки, и произношение, и все прочие мелочи, из-за которых богатенькие женщины вроде нее осуждают парней вроде него, он, вообще-то, вовсе не опасный преступник. Но вместо слов из его рта донеслось лишь бессмысленное сипение, так что Рэд сдался и сконцентрировался на дыхании. Боль в горле из резкой ядовито-желтой сделалась слабой, лимонного оттенка.

Он даже не замечал ее сестер, пока они не заговорили.

— Ой, Хлоя, — сказала самая низкая сестра, Ив. — Посмотри, что ты наделала! Бедняга сейчас себе все корешки выкашляет.

Другая сестра — Дани, как они ее называли, — закатила глаза и уточнила:

— Ты имеешь в виду «кишки», милая?

— Нет. Мы разве не должны что-то сделать? Давай, Дани, сделай что-нибудь.

— И что же мне сделать? Я что, похожа на медсестру?

— Ну, мы же не можем позволить ему задохнуться насмерть, — резонно заметила Ив. — Пропало бы впустую такое шикарное...

Голос Хлои клинком рассек их препирательства:

— Ох, да замолкните вы обе. Вы разве не собирались уходить?

— Мы не можем уйти *сейчас*. Наш любимый комендант в кризисной ситуации.

Дело в том, что, если Хлоя с первой же встречи возненавидела Рэда, то ее сестры, Дани и Ив, явно приходили от него в восторг. Обладая таким же хрустально четким произношением, явного Хлоиноного классицизма они были лишены вовсе. Рэд считал Дани — с выбритой головой и воздушными черными одеяниями — самой элегантной из трех. Улыбка у нее была такая милая, что ее следовало

бы запретить законом, и зажигалась, словно лампочка, всякий раз, когда их пути пересекались. Ив же была веселушкой — младшенькая, с длинными косичками пастельных тонов и бешеной энергией, потрескивавшей вокруг нее разрядами тока. Ей нравилось флиртовать. Еще ей нравилась одежда в горошек и совершенно не сочетающиеся с такими нарядами туфли, которые оскорбляли Рэдово чувство прекрасного.

Если бы любая из них пять недель назад въехала в квартиру 1D, Рэд ничего не имел бы против. Но нет — это сделала Хлоя. Та самая из сестер, которая заставляла его чувствовать себя грубым, уродливым монстром. Заносчивая принцесса, считавшая его опасным по причине одного только происхождения. Почему она вообще поселилась здесь, в обычном доме для среднего класса, оставалось чертовой загадкой: в деньгах она явно не нуждалась. После Пиппы лоск обеспеченной женщины Рэд мог разглядеть за много миль.

Но он не станет думать о Пиппе. Еще никогда ничего хорошего из этого не выходило.

— Я в порядке, — выдавил он, моргая: глаза слезились.

— Видите? — быстро сказала Хлоя. — Он в порядке. Идемте.

Боже, как она его бесила. Эта женщина, дьявол ее раздери, только что перекрыла ему кислород и все равно не могла проявить элементарную вежливость. Просто невероятно.

— Приятно видеть, что любезность и участие вам не изменяют, — пробурчал Рэд. — Манерам в пансионе благородных девиц обучались?

Он пожалел об этих словах, как только они слетели с его губ. Она — жилица. Он, по милости Божьей и Виковой, комендант. Ему положено быть с ней вежливым, несмотря ни на что. Но, как выяснилось несколько недель назад,